

УДК: 316.3

DOI: 10.5281/zenodo.12622452 <https://zenodo.org/record/12622452>

КОНЦЕПЦИИ И ЭМПИРИКА ФОРМИРОВАНИЯ ПОСТКАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО «КРЕАТИВНОГО КЛАССА» (КЛАССА ПРОФЕССИОНАЛОВ)*

Латов Юрий Валерьевич¹

Доктор социологических наук, кандидат экономических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, (latov@mail.ru), (ORCID: 0000-0001-7566-4192)

Ключевые слова: социальная структура, профессионалы, «креативный класс», пролетарская революция, постиндустриальное общество, постсоветская Россия

Для цитирования: Латов Ю.В. Концепции и эмпирика формирования посткапиталистического «креативного класса» (класса профессионалов) // Вопросы политической экономии. 2024. № 2(38). С. 75-89.

CONCEPTS AND EMPIRICS OF THE FORMATION OF A POST-CAPITALIST «CREATIVE CLASS» (CLASS OF PROFESSIONALS)

Yuriy V. Latov

Doctor of Sociology Sciences, Candidate of Economic Sciences, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, (latov@mail.ru), (ORCID: 0000-0001-7566-4192)

Keywords: social structure, professionals, «creative class», proletarian revolution, post-industrial society, post-Soviet Russia

For citation: Latov Yu.V. Concepts and empirics of the formation of a post-capitalist «creative class» (class of professionals). Problems in Political Economy. 2024;2(38):75-89.

JEL codes: Z13, P51

Перемена точки зрения на социализм: критика концепта пролетарской революции

В современном мире наблюдается парадоксальное противоречие между разными аспектами перехода от капитализма, высшей фазы вторичной общественной формации, к новой – третичной – формации. Хотя есть много конкурирующих и взаимодополняющих интерпретаций формирования посткапиталистического об-

¹ © Латов Ю.В., 2024

* При подготовке статьи использованы материалы автора из коллективной монографии (Человеческий капитал..., 2023).

щества, но признание происходящего в последние полвека формационного перехода (перехода к постиндустриальному обществу, четвертой промышленной революции, сдвига к постмодерну, формирования нооэкономики и т.д.) постепенно становится общепризнанным научным дискурсом, характерным отнюдь не только для марксистов. Однако признание объективной реальности перехода к обществу «по ту сторону материального производства» (Маркс, 1962, с. 387) сочетается со все более критическим отношением к краеугольному для основоположников марксизма концепту «пролетарской революции», объясняющему главных субъектов такого перехода. Это связано с тем, что в наиболее экономически развитых странах, где посткапиталистические тенденции проявляются сильнее, классический рабочий класс уже во второй половине XX в. стал абсолютно и относительно сокращающейся социальной группой. Промышленные и сельскохозяйственные рабочие, занятые простым физическим трудом, составляют в этих странах в начале XXI в. лишь 20-30%, превратившись из абсолютно доминирующей век назад социальной группы лишь в одну из нескольких групп работников. Правда, деиндустриализация развитых стран сочетается со взрывной индустриализацией развивающихся стран, где классический пролетариат, наоборот, растет. Но это правомерно трактовать в первую очередь как проявление их отставания (социальная структура современного «третьего мира» становится сопоставимой со структурой «первого мира» примерно столетней давности) и только во вторую очередь – как изменение географии классической капиталистической эксплуатации, перемещения «мастерской мира» из стран ядра в страны (полу)периферии капиталистической мир-системы. Принципиальный для марксизма вопрос о социальном акторе межформационных сдвигов становится крайне дискуссионным: сдвиги усиливаются, но их предполагаемый актор исчезает.

Для решения этой «загадки» необходимо давно назревшее радикальное изменение марксистской концепции революционного класса.

Классический европейский марксизм XIX–XX вв. сложился в результате теоретизирования ограниченности капиталистического строя в условиях, когда сам этот строй был еще далек от исчерпания прогрессивного потенциала. Поэтому основоположники марксизма, призывая к «экспроприации экспроприаторов», объективно имели очень ограниченные возможности для осмысления посткапиталистических факторов и акторов. Фундаментом марксизма является обоснование перехода к обществу «по ту сторону материального производства», где развитие человека станет не ресурсом («человеческим капиталом»), а целью. Однако в поисках актора грядущей социальной революции, необходимой для перехода к этому новому обществу, основоположники марксизма не смогли выйти за рамки «картины мира» индустриальной эпохи. А в этом мире самым многочисленным и одновременно самым «бунтарским» был именно рабочий класс. Поэтому фундаментальным элементом марксистского видения будущего стал концепт пролетарской революции, предполагающий решающую роль в смене формаций наемных рабочих (пролетариев), занятых преимущественно отчужденным простым (малоквалифицированным) физическим трудом. Достаточно вспомнить «Манифест Коммунистической партии» (1848 г.): «Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, то есть пролетариата, организованного как господствующий класс...» (Маркс, Энгельс, 1955, с. 446).

Между тем определенные сомнения в «социалистической» (ведущей именно к смене формации) революционности рабочего класса можно было выразить и полтора века назад, используя метод исторических аналогий. Действительно, межформационные переходы в рамках западноевропейской цивилизации происходили дважды (от античности – к феодализму, от феодализма – к капитализму), но никогда главным актором этого перехода не становился главный эксплуатируемый класс уходящей формации. Опыт всех антифеодальных революций XVI-XIX вв. показывал, что их главными акторами становились вовсе не крестьяне, основные объекты феодальной эксплуатации, а городские социальные слои, которые при классическом феодализме играли второстепенную (если не маргинальную) роль. Что же касается крестьян, то их участие в буржуазных революциях было двусмысленным: так, в эпоху Великой французской революции конца XVIII в. одни из них громили поместья землевладельцев, а другие в Вандее убивали «городских» революционеров. Еще меньше оснований считать рабов, колонов и другие массовые угнетенные группы позднеантичного общества ведущими акторами генезиса феодализма; и в эту переходную эпоху главную роль играли те, кто в классическом античном обществе был «на обочине». Логично было бы предположить, что в антикапиталистической революции решающую роль тоже сыграет не рабочий класс, самый массовый социальный класс классического буржуазного общества, а какая-то новая социальная группа, которая в рамках классического капитализма XIX века была второстепенной и незрелой. Но такая постановка вопроса психологически затруднялась тем, что автоматически отодвигала «экспроприацию экспроприаторов» на несколько поколений вперед.

Парадокс в том, что всего через два года после «Манифеста...» Ф. Энгельс, анализируя «Крестьянскую войну в Германии» (1850 г.), очень точно описал на примере Томаса Мюнцера трагизм революционного мыслителя, чьи идеи слишком обгоняют объективные возможности их реализации: «Самым худшим из всего, что может предстоять вождю крайней партии, является вынужденная необходимость обладать властью в то время, когда движение еще недостаточно созрело для господства [объективно] представляемого им класса и для проведения мер, обеспечивающих это господство» (Энгельс, 1956, с. 423). Хотя прямыми объектами этих рассуждений были западноевропейские революционеры 1848 года, ретроспективно видно, что Ф. Энгельс невольно предсказал трагическую судьбу не только В.И. Ленина, но и всех «восточных» коммунистических партий, которые объективно оказались вынуждены «представлять... не свой класс, а тот класс, для господства которого движение уже достаточно созрело в данный момент» (Там же). Конкретно в России революционное движение вполне созрело для господства «номенклатуры» – политической элиты, способной частично и относительно успешно решать национальные задачи догоняющего развития, но не социальные задачи преодоления отчуждения от труда, собственности и власти. Ситуация усложнялась тем, что государственная идеология (упрощенного до вульгаризации) марксизма требовала провозглашать господство непременно рабочего класса, даже если рабочие временами протестовали против «своей» власти (ижевско-воткинское восстание 1918 г., «второй Кронштадт» 1932 г., Новочеркасский бунт 1962 г. и т.д.). В результате советский режим превратился в своего рода «матрешку»: марксистская идеология фактически ориентирована на еще не сформировавшийся класс профессионалов,

зародышем которого были часто третируемые в СССР интеллигенты, но официально передовым классом считался рабочий класс, за «диктатурой» которого скрывалась фактическая власть «номенклатуры», чье существование вообще отрицалось.

Политически ангажированная интерпретация прихода к власти российских большевиков как именно пролетарской революции создавала предпосылки для соответствующего «пересмотра» и марксистской интерпретации предыдущих социальных революций. В результате в СССР 1930-1950-х гг. приобрели нормативный статус концепции «революции рабов» и «революции крепостных», хотя они родились из буквализации риторических метафор (Рабинович, 2018, с. 1098-1131) и имели мало общего не только с эмпирическими фактами, но и с аутентичным марксизмом. Как раз при анализе Крестьянской войны в Германии XVI в. Ф. Энгельс показал, что феодально-зависимое крестьянство само по себе принципиально не могло совершить буржуазной революции, что в своих антифеодальных протестах крестьяне и бюргеры, предшественники буржуазных классов, «становились друг другу поперек дороги» (Энгельс, 1956, с. 435). Уже в 1960-е гг. советская академическая историческая наука отделилась от необходимости в любой эпохе искать революционный угнетенный класс, но концепт «диктатуры пролетариата» дожил до самого финала советской эпохи, «скончавшись» только вместе с «официальным» советским марксизмом.

Попробуем хотя бы в общих чертах обрисовать с позиций современных знаний объективного социального актора перехода от капиталистической формации к «посткапитализму».

Перемена точки зрения на социализм: подход к концепции «креативной революции»

Рождение качественно новой социальной группы, которая не укладывалась в антитезу «капиталисты – наемные рабочие», происходило во второй половине XIX в. на глазах основоположников марксизма, но не было ими замечено, хотя они сами к ней органично принадлежали. В принципе люди «свободных профессий» (ученые, учителя, писатели, врачи, юристы и др.) существовали уже в раннеклассовых обществах, однако до нового времени они оставались малочисленными. В первой половине XIX в. в европейских странах численность высокообразованных работников умственного труда стремительно растет в связи, прежде всего, с усложнением производственных технологий и массовизацией образования. «Опознание» этих работников нового типа как передовой социальной группы, не просто преодолевающей отчуждение от труда, но и предлагающей обществу новую перспективу развития, фактически состоялось в классической (идущей от Жюль Верна) научной фантастике. Спецификой этого нового литературного жанра стали не только новые социальные идеи (в частности, постулирование благотворности технологического прогресса, требующего новых людей и нового общества), но и новые главные герои. Ими стали высокообразованные люди творческого труда – инженеры, журналисты, учителя, ученые, врачи, изобретатели и прочие, кого в современной социологии называют профессионалами. Социологи обратили внимание на этих «новых людей» с некоторым опозданием: академические теории нового класса, на который возлагались надежды смены общественного строя, – теории технократии – стали формироваться в рамках институциональной эко-

номической теории только в начале XX вв. (вспомним, например, «Инженеров и ценовую систему» Т. Веблена (Веблен, 2018)).

Достоинно большого сожаления, что основоположники марксизма и их ближайшие последователи на качественные различия между обычными рабочими и профессионалами (высокообразованными работниками умственного труда), типа инженеров или учителей, обращали внимание лишь мимоходом (см., например, (Stock, 2003)). Все они рассматривались либо как элементы совокупного наемного работника, объекты капиталистической эксплуатации, либо как производители услуг. Конечно, специфика лиц «свободных профессий» была бесспорной, но эта социальная группа была еще слишком малочисленной, чтобы брать ее в расчет при обсуждении социальной революции. Сыграл свою роль и общий сдвиг от проблематики отчуждения к проблематике эксплуатации. В марксизме первой половины XX в. концепт пролетарской революционности стал уже аксиомой. Среди большевистских теоретиков большое внимание объективному повышению социальной роли «технической интеллигенции» (аналога «инженеров» Т. Веблена) уделял разве что А.А. Богданов, но и он рассматривал интеллигенцию в первую очередь как своего рода «учителей» рабочих, а не как самостоятельную социальную группу; к тому же влияние «внесистемного» А.А. Богданова на марксистское обществоведение уже в 1920-е свелось к нулю (Гловели, 2023).

Ошибочная исходная идентификация социального актора антикапиталистических революционных изменений во многом предопределила последующие неудачи и «реального социализма», и коммунистического движения в целом. История XX века демонстрирует готовность значительной интеллигенции/профессионалов к восприятию и творческой реализации базовых социалистических идей², которая систематически наталкивалась на стремление «марксистов у власти» третировать интеллигентов как представителей «прослойки» с преимущественно мелкобуржуазным сознанием. Хорошо известно, что в Советском Союзе официальная забота о рабочих как «классе-гегемоне» реализовывалась в парадоксальном сочетании, с одной стороны, курса на стимулирование образованности рабочих (т.е. на их сближение с профессионалами, а в перспективе – на «преодоление различий между умственным и физическим трудом») и, с другой стороны, очень настороженного (а в 1920–1930-х – едва ли не репрессивного) отношения к потомственной («буржуазной») интеллигенции. На Западе аксиома о «революционном рабочем классе» меньше могла поддерживаться административным давлением, поэтому левые движения еще полвека назад стали на путь отказа от представительства одного рабочего класса, заменив его ролью представителей всех дискриминируемых (этнических, гендерных, сексуальных и т.д.) социальных групп. Оба эти пути «размывали» аутентичный марксизм, который был в первую очередь концепцией общественного прогресса и только во вторую очередь – дискурсом социальной справедливости, понимаемой как защита интересов массовых приниженных социальных слоев.

Поскольку марксизм не смог идентифицировать новый класс, с развитием которого связано формирование нового общества, эту задачу стали во второй половине XX в. решать «буржуазные» обществоведы в рамках академических дис-

² Сами лидеры марксизма чаще всего были именно выходцами из интеллигенции (например, Маркс родился в семье адвоката, Каутский – в театрально-артистической семье, Ленин – в семье учителя), в то время как из рабочей среды – практически никогда.

курсов о постиндустриальном обществе. Постиндустриальный дискурс – как одна из форм академического постмарксизма (Латов, 2017) – требовал обязательного анализа не только качественно новых производственных технологий и ресурсов, но и качественно новых социальных групп, создающих «новое (пост)индустриальное общество». Однако по данному вопросу до сих пор идут дискуссии. Для обозначения «постиндустриалов» предложено много терминов с частично пересекающимися смыслами: так, британский социолог Р. Барбрук в монографии «Класс Новых» (Barbrook, 2006) приводит несколько десятков обозначений и определений нового класса. Научного термина, сопоставимого по конвенциональности с концептами «постиндустриального/информационного общества» (обозначением нового общественного строя) и «человеческого капитала» (обозначением нового основного экономического ресурса), до сих пор нет. Это связано, видимо, в первую очередь со все еще высокой гетерогенностью представителей нового класса, его объективной недоформированностью как «класса-для-себя» даже в наиболее экономически развитых странах мира. Хотя меритократический сдвиг власти обсуждается уже столетие, нет консенсуса, какие именно социальные группы образуют ядро нового класса, образуют ли они класс вообще и происходит ли постепенный перехват ими власти у традиционных капиталистических элит.

Если во времена Т. Веблена, столетие назад, «революционные» надежды возлагались главным образом на инженеров, изобретающих и внедряющих технологические инновации, то с середины прошлого века главными акторами ожидаемых социально-экономических перемен начали считать более широкий круг высококвалифицированных работников. В этой связи в политологии с 1950-х активно используют предельно общее понятие «меритократия» (буквально – «власть знающих») (см., например, (Arendt, 1961, p. 173-196)). Демократизация доступа к высшему образованию, ставшему главным социальным лифтом, привела к быстрой смене первоначальных критических оценок «знающих людей», в которых подозревали новую олигархию, на одобрительные. С 1960-х гг., после «открытия» человеческого капитала, связанного в первую очередь со знаниями, подчеркивание профессиональных знаний как главного ресурса новых социальных групп быстро стало общим местом. Д. Белл в знаменитом «Грядущем постиндустриальном обществе» повторил ставшее уже общепринятым мнение, что наблюдаемый в развитых странах рост «интеллектуального класса» предвосхищает ожидаемые в ближайшие десятилетия качественные сдвиги не только в профессиональной структуре, но и в политическом управлении в сторону роста роли «технократов» (Белл, 2004). Дж.К. Гэлбрейт попытался пойти дальше, выдвинув в те же 1970-е гг. провокационное утверждение, что «техноструктура» (этим термином он обозначил широкий круг специалистов – ученых, инженеров, маркетологов и т.д.) уже реально руководит обществом. По мнению этого экономиста-институционалиста, хотя политики и высшие администраторы формально принимают важнейшие решения, но рамки их решений заранее определены специалистами, которые готовят эти решения (Гэлбрейт, 1976). Дальнейшее развитие общества показало, что Дж.К. Гэлбрейт явно забежал вперед: хотя количество профессионалов стремительно росло, их социально-политическая субъектность остается под вопросом и в наши дни.

Новый важный шаг в концептуализации «нового класса» сделал в начале XXI в. Р. Флорида, предложивший новое обозначение для нового социального класса. Речь идет о знаменитом «креативном классе». Этим термином американский социолог предложил обозначать высококвалифицированных специалистов, работ-

ников творческого труда, которые не только играют ключевую роль в современном производстве, но и оказывают сильное влияние на общественное сознание, генерируя «постденежные» (ориентированные в первую очередь на саморазвитие и самореализацию), культурные ценности и мотивации. По оценке Р. Флориды, «креаклы» в 2000-х в Соединенных Штатах составляли порядка трети всех работников, получая половину всей заработной платы. Для сравнения нужно отметить, что когда К. Маркс писал «Капитал», то доля промышленных наемных рабочих в работниках Великобритании тоже составляла порядка трети.

Концепция «креативного класса» Р. Флориды быстро завоевала глобальную популярность. В России его главную монографию «The Rise of the Creative Class. And How It's Transforming Work, Leisure and Everyday Life» (Florida, 2002) перевели всего через три года под названием «Креативный класс: люди, которые меняют будущее» (Флорида, 2007). Термин, который был предложен в этой книге, оказался на редкость удачным, став своего рода вирусным мемом. Впрочем, отношение к концепции креативного класса оказалось неоднозначным, по ее поводу высказывалось немало критических замечаний (см., например, (Александрова, 2008). В ходе полемики указывали, в частности, что Р. Флорида сконцентрировал внимание на «творческой богеме» (артистах, художниках, блогерах, музыкантах, литераторах и других представителей «творческой интеллигенции», как их называли в СССР) в ущерб более многочисленным специалистам «традиционных», но не менее творческих профессий (инженерам, врачам, учителям, юристам и т.д.). Тем не менее в зарубежном обществоведении термин «креативный класс» стал одним из общепринятых в дискурсах о новейших социальных изменениях (см., например, (Timberg, 2015)). Замена «интеллектуального класса» по Д. Беллу «креативным классом» по Р. Флориде удачно подчеркивает главную черту постиндустриального сдвига: наиболее важным становится труд не просто умственный (не-физический, как и, например, у занимающегося в основном шаблонной работой бухгалтера), но и творческий, который принципиально не предполагает редукцию сложного труда к простому.

В России начала XXI в. термины «креативный класс» и «креаклы», как и вообще идеи Р. Флориды о новом классе, получили относительно ограниченное признание (см.: (Степанова, 2020); (Латов, Тихонова, 2021) и др.). Это связано не только со стремительным ростом политизированного отчуждения россиян от современной западной культуры, но и с высокой проблемностью самого развития профессионалов в современной России. Хотя в работах ведущих представителей российского критического марксизма есть подходы к трактовке «креативного класса» именно как нового – в марксистском смысле – посткапиталистического социального класса (см., например, (Бузгалин, Колганов, 2019)), однако они пока не получили широкого распространения. Нет пока и попыток трансформировать старый концепт «пролетарской революции» в «креативную революцию» – социальную революцию «креаклов»³. Впрочем, в России 2020-х обсуждение рождения нового класса, раз-

³ Интерпретация в качестве главных акторов формирования посткапиталистического общества не рабочих или иных «униженных и оскорбленных», а высоко благополучных «креаклов» (профессионалов), автоматически меняет понимание социально-политических аспектов межформационной революции. Такая революция все равно станет переходом власти от старого доминирующего класса к новому, который постепенно ликвидирует классовые различия и тем самым классовую структуру как таковую. Однако она будет более затяжной, менее (или даже совсем не) связанной с силовым противоборством, а также совсем не требует «роста выше обычного нужды и бедствий народных масс». Возможно, этот «рост нужды и бедствий» вообще изначально был объявлен признаком революционной ситуации по ошибке, когда частая особенность оказалась принята за универсальную закономерность.

рушающего традиционные социальные нормы, а тем более совершаемой им социальной революции, вообще оказалось едва ли не под запретом.

Для понимания глубинных, выходящих за рамки политической конъюнктуры, проблем освоения концепта «креативной революции» российским обществоведением (не только марксистским) укажем, прежде всего, на высокую проблемность самого развития отечественных профессионалов.

Современные российские профессионалы как протокласс

Термин «профессионал» имеет два смысла – обыденный и профессиональный. В обыденной речи так называют высококвалифицированных специалистов. Обществоведы же примерно с 2000-х таким термином обозначают особую профессиональную социальную группу – тех, кто получил высшее профессиональное образование и трудится на рабочих местах, соответствующих такому образованию, т.е. предполагающих сложный труд. В профессиональном дискурсе «профессионал» примерно синонимичен «специалисту высшей квалификации», «интеллекту» (в рамках российско-советской трактовки этого термина) и, с учетом новейших подходов, «представителю креативного класса».

В недавно изданной коллективной монографии «Человеческий капитал российских профессионалов...» (Человеческий капитал..., 2023), которая уже вызвала положительные отклики (Темницкий, 2024); (Плискевич, 2024); (Попов, 2024) обществоведами Института социологии ФНИСЦ РАН, представляющими научную школу Н.Е. Тихоновой, сделана первая в отечественной социологии комплексная попытка оценить зрелость российских профессионалов именно как субъектов постиндустриального (посткапиталистического) сдвига. Эмпирический анализ в целом показал, что хотя «процесс идет», российские профессионалы уже имеют некоторые «постиндустриальные» характеристики, но до их формирования как класса «постиндустриалов» еще предстоит пройти дистанцию огромного размера.

Прежде всего российские профессионалы в сравнении со своими западными коллегами менее многочисленны. Как ранее упоминалось, по оценкам Р. Флориды американские «креаклы» составляют порядка 1/3 работников. Чтобы оценить долю профессионалов в современной России, потребовалась специальная аналитико-методическая работа, направленная на отделение профессионалов «в собственном смысле слова» от соседних профессиональных социальных групп – от руководителей (которые хотя и являются обычно выходцами из профессионалов, но имеют существенно иной главный ресурс – не столько человеческий капитал, сколько власть или власть-собственность) и от полупрофессионалов (работников нефизического труда со специальным профобразованием, но трудящихся на рабочих местах, где преобладают не креативные, а шаблонные действия, как, например, у кассиров в магазине). Разработанная Н.Е. Тихоновой методика перекодировки баз массовых опросов (см., например, (Тихонова, 2020)), показала, что по базе РМЭЗ ВШЭ профессионалы составляют в России начала 2020-х гг. только примерно 20% всех работников. Их доля постепенно растет, но гораздо медленнее, чем в экономически передовых странах Запада, увеличившись за последние 20 лет приблизительно на 2 п.п.

Российских профессионалов не только относительно меньше, чем на Западе, но они имеют и существенно иное социальное «лицо». У Р. Флориды и его после-

дователей типичная персонализация представителя «нового класса» – это молодой мужчина-яппи, после университета успешно делающий бизнес-карьеру. Но для профессионалов современной России такие признаки не совсем (или совсем не) типичны. Почти 2/3 отечественных профессионалов работают в госсекторе, что отражает высокий этатизм современного российского общества в целом и отечественной экономики в частности. Мужчин среди профессионалов в России заметно меньше, чем женщин (в пропорции примерно 1:2); многие типичные для профессионалов профессии (такие как врач и учитель) устойчиво имеют статус «женских». В условиях сохранения (отчасти даже возрождения) неопатриархальных стереотипов, что работающая женщина должна в первую очередь думать о семье, а не о карьере, феминизация профессионалов становится сильным тормозом для их активности. Черты профессионала, существенно похожего на западного «креакла», в России 2010–2020-х гг. более-менее типичны только для некоторых профессиональных подгрупп (например, для «айтишников»).

Хотя российские профессионалы, как и следовало ожидать, количественно и качественно отстают от своих «коллег по классу» из экономически высоко развитых стран, у них есть и явные характеристики, связанные с постиндустриальным сдвигом. При переходе от старой формации к новой авангардный социальный класс должен демонстрировать образ жизни, привлекательный для представителей всех других социальных групп. Для этого он должен не только превзойти другие социальные группы по критериям «старого режима», но и создать качественно новые критерии социальной успешности, формирующие новый тип личности. (Так, например, наемный рабочий индустриального/капиталистического общества в сравнении с феодально-зависимым крестьянином не только в среднем лучше питается и дольше живет, но и элементарно грамотен, территориально мобилен, может пользоваться социальными лифтами.) У современных российских профессионалов можно найти характеристики, соответствующие обоим этим требованиям.

Прежде всего, отечественные профессионалы имеют в среднем более высокий уровень доходов, капитализируя свои человеческие качества. За их плечами обычно 15-17 лет обучения (т.е. не менее чем 11-летняя школа плюс 4-летний бакалавриат), в то время как для российских работников в целом – 10-13 лет (средняя школа плюс – часто, но не всегда – ссуз) (Человеческий капитал..., 2023, с. 123). Парадоксальность современных российских профессионалов проявляется в том, что большинство из них (свыше 60%) работают совсем не по той профессии, которой обучались в вузе (Там же, с. 146). Тем не менее, вузовское образование хотя далеко не всегда дает багаж востребованных профессиональных знаний, но заметно повышает общие способности к труду (самостоятельность в широком смысле слова), что позволяет большинству молодым специалистам эффективно подстроиться под конкретное «наукоемкое» рабочее место и претендовать на более высокую оплату труда, не говоря о других выгодах («белая» зарплата, оплаченный отпуск и т.д.). О доходности связанного с образованием человеческого капитала в современной России продолжается дискуссия, но однозначным фактом является то, что между длительностью образования и зарплатой есть существенная корреляция. По базе РМЭЗ ВШЭ, в начале 2020-х гг. средняя зарплата отечественных профессионалов была примерно на 14% выше средней зарплаты российских работников (Там же, с. 288).

Принципиально важно не то, что российские профессионалы имеют более высокие доходы (как раз эти преимущества выражены не слишком резко), а то, что у них широко распространена трудовая мотивация более высокого уровня. Они в своих жизненных целях чаще представителей других групп отечественных работников стремятся к творческой самореализации на рабочем месте и чаще – это наблюдается у примерно 45% профессионалов – ее достигают. Важно отметить, что те профессионалы, которые высоко оценивают свою самореализацию в труде, вдвое чаще остальных профессионалов оценивают свои заработки как хорошие, хотя фактические заработки таких успешных профессионалов мало превышают заработки их коллег, менее успешных в самореализации (Слободенюк, 2021). Это – принципиально важная характеристика, показывающая, что у отечественных профессионалов посткапиталистическая мотивация на самореализацию в труде «гасит» капиталистическую мотивацию на доход ради потребления. Впрочем, данную прогрессивную тенденцию не надо преувеличивать: профессионалы с такой «постденежной» мотивацией составляют в современной России пока еще относительное меньшинство. Большинство (55%) профессионалов, напротив, не видят возможностей для трудовой самореализации, причем 1/3 даже не считают свою работу интересной. К сожалению, отчужденный труд для российских профессионалов все еще более типичен, чем преодоление отчуждения от труда.

Как видим, вопрос о том, насколько «посткапиталистичны» современные российские профессионалы, оказывается похожим на вопрос, насколько полон полупустой стакан. Как доказывает эмпирическое социологическое исследование, у отечественных профессионалов, с одной стороны, есть такие характеристики, которые выходят за рамки социальной нормы индустриально-капиталистического общества и могут интерпретироваться как «ростки» посткапитализма. Речь идет, прежде всего, о «постденежной» мотивации к труду. В то же время, с другой стороны, «посткапиталистические» характеристики еще не стали доминирующими в сравнении с теми признаками, которые типичны для «капиталистических» наемных работников.

Такой результат социологического анализа является проекцией современного геоэкономического положения России, которая имеет крупные «постиндустриальные» (наукоемкие) сегменты/уклады экономики, но в целом все еще остается позднеиндустриальным обществом с соответствующими трудоемкими технологиями. Экономическая недоразвитость дополняется институциональными барьерами, которые тормозят развитие профессионалов именно как «нового класса», занимающегося преимущественно креативным трудом. Советское прославление творческих людей, для которых «понедельник начинается в субботу», осталось в прошлом, а его неизбежный ренессанс пока находится за горизонтом текущей реальности. Провозглашаемые правительством задачи «догнать и перегнать» на основе технологического суверенитета создают предпосылки для постиндустриального сдвига, но вряд ли существенно повлияют (по крайней мере, в ближайшие годы) на характеристики отечественных профессионалов. Ведь эти задачи рассматриваются преимущественно в контексте достижения технологической независимости России (с сильным акцентом на реиндустриализацию) и к тому же увязаны с идеологией «консервативного поворота», блокирующей даже постановку задачи поддержки формирования новых социальных групп.

Относительная незрелость российских профессионалов как гомогенной социальной общности делает их в настоящее время не классом как таковым, а скорее протоклассом, противоречиво сочетающим индустриальные (капиталистические) и постиндустриальные (посткапиталистические) характеристики. При этом ситуация сильно дифференцирована в различных типах поселений. Если в городах-миллионерах (прежде всего, в двух столичных мегаполисах) отечественные профессионалы ближе к западным «креаклам» (которые, впрочем, тоже имеют высокую гетерогенность и тоже пока не образуют «новый класс»⁴ в полном смысле слова), то в «другой России» профессионалы, как правило, остаются высококвалифицированными наемными работниками позднеиндустриального общества. За последние десятилетия происходят некоторые позитивные изменения (в частности, доля профессионалов среди российских работников медленно растет), но они остаются скорее количественными, чем качественными. Единственное, пожалуй, явное достижение постсоветской эпохи с точки зрения влияния на классогенез профессионалов – это резкое сокращение в 2000-х «новой бедности», которая в 1990-х разрушила позднесоветскую интеллигенцию.

Описанные противоречия формирования профессионалов как «полноценного» и тем более авангардного социального класса характерны отнюдь не только для России, но и для большинства современных среднеразвитых стран. Они образуют – по аналогии с моделью эшелонов развития капитализма А. Гершенкрона – своего рода второй эшелон формирования посткапитализма (постиндустриального/информационного общества). В них с некоторым отставанием по отношению к странам первого эшелона (самым экономически развитым странам современного мира) тоже формируются элементы новой общественной формации, где главными факторами прогрессивного развития личности и общества становятся массовое высшее образование, всеобщий профессионализм и креативный труд, преодолевающий отчуждение. Однако переход этой пока еще относительно слабой посткапиталистической тенденции в ведущий тренд повседневной жизни отдален для России дистанцией, видимо, в несколько десятилетий.

ЛИТЕРАТУРА

Александрова Е.С. В гостях у Флориды: размышления над книгой «Креативный класс: люди, которые меняют будущее». М.: Классика-XXI, 2007) // Экономическая социология. 2008. Т. 9. № 1. С. 132-138. EDN:OYNYVX

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. – 944 с.

Бузгалин А.В., Колганов А.И. Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 18-28. DOI: 10.31857/S013216250003744-1

⁴ В частности, ни в России, ни за рубежом нет политических движений, которые бы являлись политическим представительством именно этой «новой» социальной группы, хотя есть представительства «старых» классов (в частности, рабочие и крестьянские партии). В этой связи есть даже мнение, что «термин «креативный класс» является скорее метафорой, чем отражением реальной социальной группы» (Мартьянов, 2016, с. 48). Это связано с тем, что современные профессионалы разных профессий, регионов, уровней квалификации и т.д. даже в экономически наиболее развитых странах пока мало осознают свою социальную общность.

Веблен Т. Инженеры и ценовая система. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2018. – 485 с.

Гловели Г.Дж. А.А. Богданов как социолог и утопист: проблема «класса для себя» // Социологические исследования. 2023. № 11. С. 25-37. DOI:10.31857/S013216250028530-6

Гэлбрейт Дж.К. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1976. – 406 с.

Латов Ю.В. Что находится по ту сторону материального производства? Марксистские корни и институциональные ветви постиндустриальных теорий // Историко-экономические исследования. 2017. № 1. С. 7-29. DOI:10.19181/snsp.2021.9.1.7869

Латов Ю.В., Тихонова Н.Е. Новое общество – новый ресурс – новый класс? (К 60-летию теории человеческого капитала) // Terra Economicus. 2021. Т. 19. № 2. С. 6-27. DOI:10.18522/2073-6606-2021-19-2-6-27

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 3. Кн. 3. Ч. 2. К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 2. М.: Политиздат, 1962. – 551 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. – 615 с.

Мартьянов В.С. Креативный класс – креативный город: реальная перспектива или утопия для избранных? // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. №. 10. С. 41–51. DOI:10.20542/0131-2227-2016-60-10-41-51

Плискевич Н.М. Человеческий капитал профессионалов в современной России (размышления над новой книгой Н.Е. Тихоновой и ее коллег) // Вопросы теоретической экономики. 2024. № 1. С. 165-179. DOI:10.52342/2587-7666VTE_2024_1_165_179

Попов Д.С. Профессионал и его работа: важен ли человеческий капитал в современной России? // Экономическая социология. Т. 25. 2024. № 2. С. 148-159. DOI:10.17323/1726-3247-2024-2-148-159

Рабинович Е.Г. «Революция рабов» – краткая история мифа // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXII. Часть II. СПб.: Наука, 2018. – 1486 с. DOI:10.30842/ielcrp230690152280

Слободенюк Е.Д. Благополучие российских профессионалов: динамика и специфика // Журнал институциональных исследований. 2021. Т. 13. № 4. С. 40-58. DOI:10.17835/2076-6297.2021.13.4.040-058

Степанова Т.Д. Развитие теории креативного класса: зарубежная и российская экономическая мысль // Вопросы политической экономии. 2020. № 3 (23). С. 153-169. DOI:10.5281/zenodo.4067167

Темницкий А.Л. Позволяет ли качество человеческого капитала российских профессионалов справляться с новыми вызовами? // Социологические исследования. 2024. № 2. С. 159-168. DOI:10.31857/S0132162524010198

Тихонова Н.Е. Российские профессионалы: специфика рабочих мест и человеческого потенциала // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 71-83. DOI:10.31857/S013216250010300-3

Человеческий капитал российских профессионалов: состояние, динамика, факторы: [монография] / Н.Е. Тихонова, Ю.В. Латов, Н.В. Латова [и др.]; отв. ред. Н.Е. Тихонова, Ю.В. Латов. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. – 488 с.

Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2007. – 421 с.

Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 7. 2-е изд. М.: Политиздат, 1956. – XX; 669 с.

Arendt H. The Crisis in Education. Arendt H. Between Past and Future. N.Y.: The Viking Press, 1961. – 320 p.

Barbrook R. The Class of the New. London: OpenMute, 2006. – 115 p.

Florida R. The Rise of the Creative Class. And How It's Transforming Work, Leisure and Everyday Life. N.Y.: Basic Books, 2002. – 404 p.

Stock M. Professionen in reproduktionstheoretischer Perspektive: Professionssoziologische Analysen bei Karl Marx // Zeitschrift für Soziologie. 2003. Jg. 32. H. 3. P. 186-205.

Timberg S. Culture Crash: The Killing of the Creative Class. New Haven: Yale University Press, 2015. – 320 p.

Информация об авторе

Латов Юрий Валерьевич – доктор социологических наук, кандидат экономических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

(E-mail: latov@mail.ru) (elibrary AuthorID: 152966) (ORCID: 0000-0001-7566-4192)

REFERENCES

Alexandrova E.S. Visiting Florida: reflections on the book «Creative Class: People Who Change the Future». Moscow: Classics-XXI, 2007). Ekonomicheskaya sotsiologiya= Economic Sociology. 2008;9(1):132-138. EDN:OYNYVX (In Russ.)

Arendt H. The Crisis in Education. In: Arendt H. Between Past and Future. N.Y.: The Viking Press, 1961. – 320 p.

Barbrook R. The Class of the New. London: OpenMute, 2006. – 115 p.

Bell D. The Coming Post-Industrial Society. Experience in social forecasting. Moscow: Academia, 2004. – 944 p. (In Russ.)

Buzgalin A.V., Kolganov A.I. Transformations of the social structure of late capitalism: from the proletariat and bourgeoisie to the precariat and the creative class? Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological Studies. 2019;(1):18-28. DOI:10.31857/S013216250003744-1 (In Russ.)

Engels F. Peasant War in Germany. In: Marx K., Engels F. Works. Vol. 7. 2nd ed. M.: Politizdat, 1956. – XX; 669 p. (In Russ.)

Glovely G.J. A.A. Bogdanov as a sociologist and utopian: the problem of «class for oneself». Sotsiologicheskiye issledovaniya=Sociological Studies. 2023;(11):25-37. DOI:10.31857/S013216250028530-6 (In Russ.)

Galbraith J.K. Economic theories and goals of society. M.: Progress, 1976. – 406 p. (In Russ.)

Florida R. Creative class: people who change the future. M.: Publishing house «Classics-XXI», 2007. – 421 p. (In Russ.)

Florida R. The Rise of the Creative Class. And How It's Transforming Work, Leisure and Everyday Life. N.Y.: Basic Books, 2002. – 404 p.

Human capital of Russian professionals: state, dynamics, factors: [monograph]. N.E. Tikhonova, Yu.V. Latov, N.V. Latova [and others]. Ed. by N.E. Tikhonova, Yu.V. Latov. Moscow: FNISC RAS, 2023. – 488 p. (In Russ.)

Latov Yu.V. What is on the other side of material production? Marxist roots and institutional branches of post-industrial theories. *Istoriko-ekonomicheskiye issledovaniya=Historical and economic studies.* 2017;(1):7–29. DOI:10.19181/snsp.2021.9.1.7869 (In Russ.)

Latov Yu.V., Tikhonova N.E. New society – new resource – new class? (To the 60th anniversary of the theory of human capital). *Terra Economicus.* 2021;19(2):6-27. DOI:10.18522/2073-6606-2021-19-2-6-27 (In Russ.)

Martyanov V.S. Creative class – creative city: a real prospect or a utopia for the elite? *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya=World Economy and International Relations.* 2016;60(10):41-51. DOI:10.20542/0131-2227-2016-60-10-41-51 (In Russ.)

Marx K. Capital. Criticism of political economy. Vol. 3. Book 3, part 2. In: K. Marx K., Engels F. Works. Vol. 25. Part 2. 2nd ed. M.: Politizdat, 1962. – 551 p. (In Russ.)

Marx K., Engels F. Manifesto of the Communist Party. In: Marx K., Engels F. Works. Vol. 4. 2nd ed. M.: Politizdat, 1955. – 615 p. (In Russ.)

Pliskevich N.M. Human capital of professionals in modern Russia (reflections on the new book by N.E. Tikhonova and her colleagues). *Voprosy Teoreticheskoy Ekonomiki=Issues of Economic Theory.* 2024;(1):165-179. DOI:10.52342/2587-7666VTE_2024_1_165_179 (In Russ.)

Popov D.S. A professional and his work: is human capital important in modern Russia? *Ekonomicheskaya sotsiologiya=Economic Sociology.* 2024;25(2):148–159. DOI:10.17323/1726-3247-2024-2-148-159 (In Russ.)

Rabinovich E.G. «The Slave Revolution» – a brief history of the myth. In: Indo-European linguistics and classical philology – XXII. Part II St. Petersburg: Nauka, 2018. – 1486. DOI:10.30842/ielcp230690152280 (In Russ.)

Slobodenyuk E.D. Well-being of Russian professionals: dynamics and specifics. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy=Journal of Institutional Research.* 2021;13(4):40–58. DOI:10.17835/2076-6297.2021.13.4.040-058 (In Russ.)

Stepanova T.D. Development of the theory of the creative class: foreign and Russian economic thought. *Voprosy politicheskoi ekonomii=Problems in Political Economy.* 2020;3(23):153-169. DOI:10.5281/zenodo.4067167 (In Russ.)

Stock M. Professionen in reproduktionstheoretischer Perspektive: Professionssoziologische Analysen bei Karl Marx. *Zeitschrift fur Soziologie.* 2003;32(3):186-205.

Temnitsky A.L. Does the quality of human capital of Russian professionals allow them to cope with new challenges? *Sotsiologicheskiye issledovaniya=Sociological Studies.* 2024;(2):159-168. DOI:10.31857/S0132162524010198 (In Russ.)

Tikhonova N.E. Russian professionals: specifics of jobs and human potential. *Sotsiologicheskiye issledovaniya=Sociological Studies.* 2020;(10):71-83. DOI:10.31857/S013216250010300-3 (In Russ.)

Timberg S. Culture Crash: The Killing of the Creative Class. New Haven: Yale University Press, 2015. – 320 p.

Veblen T. Engineers and the price system. M.: Publishing house of the State University-Higher School of Economics, 2018. – 485 p. (In Russ.)

Information about the author

Yuri V. Latov – Doctor of Sociology Sciences, Candidate of Economic Sciences, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

(E-mail: latov@mail.ru) (elibrary AuthorID: 152966) (ORCID: 0000-0001-7566-4192)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 18.03.2024; одобрена после рецензирования: 22.05.2024; принята к публикации: 10.06.2024.